

Глава 24

Секрет Те Хэнцю

Хай Цюншань мысленно усмехнулся. Те Хэнцю хочет его убить?

Нелепо!

Он прекрасно знал уровень Те Хэнцю с самого его появления в школе.

Прошёл год с тех пор, как тот стал учеником внутренней ступени, а он до сих пор с трудом освоил даже первые семь форм Искусства меча Сокрытого облака. И с такими навыками он собирается победить его?

Бред!

Хай Цюншань презирал таких, как Те Хэнцю. Он их видел предостаточно.

Низкое происхождение так и сквозило в каждом его жесте, а в глазах неприкрытой жадностью горела алчность, и при этом он ещё пытался притворяться глупым и наивным, думая, что сможет всех обмануть и пробиться наверх.

Смешно!

Такие дешёвые трюки он в своей семье видел с детства, неужели он не разглядит их здесь, в школе?

Хай Цюншань до сих пор помнил позорное поведение Те Хэнцю в самом начале. Тот так убедительно разыгрывал из себя бедняка, что Хэ Чуми, сжалившись, дал ему Пилюлю для сбора ци седьмого ранга.

Он тут же насторожился. Хэ Чуми был наивен и легко мог попасться на удочку такого проходимца.

Поэтому он намеренно «случайно» выбил пилюлю из рук, а затем безжалостно раздавил её ногой.

И, как он и ожидал, Те Хэнцю отбросил последние остатки приличия, бросился на землю и, как голодная собака, собрал грязные крошки и съел их.

В тот момент Хай Цюншань понял, что этот человек прогнил до мозга костей и никогда не

изменится.

Хай Цюншань холодно наблюдал, как всё идёт по его плану.

Хэ Чуми сначала опешил, а затем на его лице отразилось неприкрытое отвращение. Он отступил на полшага, словно боясь испачкаться.

И это было только начало.

Хай Цюншаню достаточно было лишь вскользь упомянуть об этом в разговоре с другими учениками, подстроить так, чтобы несколько его приближённых «случайно» стали свидетелями подобных сцен, и подтолкнуть Хэ Чуми первым высказать своё недовольство... Вскоре все стали избегать Те Хэнцю. Никто не хотел с ним тренироваться, на занятиях он сидел в углу, и даже при раздаче припасов его обделяли.

Чем хуже было Те Хэнцю, тем спокойнее был Хай Цюншань.

Он в совершенстве владел искусством манипуляции.

Однако... с какого момента всё пошло не так?

Хай Цюншань мрачно задумался.

Точно, после того проклятого испытания! Испытания, которое должно было его уничтожить, но вместо этого стало для него трамплином.

Что ещё хуже, первый старший брат проникся к этому ничтожеству жалостью и стал его защищать.

Но больше всего Хай Цюншаня бесило то, что Хэ Чуми стал всё чаще поглядывать на Те Хэнцю! Тот самый Хэ Чуми, который раньше смотрел на него с отвращением, теперь останавливался, чтобы посмотреть на него, и даже улыбался ему.

Почему?

Жалость? Любопытство? Или... что-то более опасное?

Он не мог этого допустить.

Кто такой Те Хэнцю, чтобы сметь зариться на того, кого он, Хай Цюншань, выбрал?

Похоже, прошлого урока было недостаточно.

На этот раз он решил, что эта бродячая собака должна стать калекой — а ещё лучше, «случайно» погибнуть во время испытания в тайном царстве.

Однако Хай Цюншань не ожидал, что вместо того, чтобы Те Хэнцю «случайно» погиб, эта бродячая собака укусит его в ответ.

И вот он, благородный Хай Цюншань, сидит на этом Утёсе Раскаяния и вынужден слушать бред этой собаки о том, что она собирается его убить.

Смех, да и только!

— Ты? Убьёшь меня? Ха-ха-ха! — он громко рассмеялся, глядя на Те Хэнцю.

Хоть слова его и были полны презрения, Хай Цюншань, смеясь, не забывал о том, что нужно нападать первым.

Не прекращая смеяться, он носком ботинка поддел камень, который, словно стрела, полетел прямо в лицо Те Хэнцю.

Те Хэнцю слегка качнулся в сторону, уклоняясь. Камень пролетел мимо, срезав прядь волос.

Тени от деревьев заскользили по его лицу. Меч из зелёного нефрита покинул ножны, сверкнув холодным светом.

Зрачки Хай Цюншаня сузились, его сердце пропустило удар.

— Искусство меча зимней сливы?

Он, конечно, знал, что Те Хэнцю неуклюже пытался подражать нескольким приёмам этого искусства и даже однажды на турнире исполнил нечто похожее на «Раскрытие бутонов зимней сливы».

Но тогда его движения были вялыми, а удар — слабым. Можно было сказать, что это было забавно, но по сравнению с настоящим Искусством меча зимней сливы — просто небо и земля.

Глава школы Юнь Сыгуй хоть и похвалил его за сообразительность, но никогда не считал, что он сможет овладеть этим сложным искусством.

Однако сейчас движения Те Хэнцю были совершенно иными.

Тот же самый приём, который тогда выглядел как неуклюжие попытки пьяницы сломать ветку, теперь исполнялся с мощью вековой сливы, пробивающейся сквозь снег.

Хай Цюншань почувствовал укол тревоги.

Он больше не смел его недооценивать и, издав низкий рык, вызвал свой собственный меч:

— Те Хэнцю, ты меня удивил!

Он метнулся вперёд, его меч устремился к Те Хэнцю, энергия клинка была подобна разъярённому дракону.

Однако Те Хэнцю лишь слегка поднял руку. Его меч из зелёного нефрита застыл, словно одинокая ветвь зимней сливы, и с лёгкостью разрушил всю мощь атаки Хай Цюншаня.

— Дзынь!

Звук столкнувшихся клинков был чистым и звонким.

Рука Хай Цюншаня онемела, он едва не выронил меч.

А Те Хэнцю уже изменил тактику. Его меч, только что бывший неподвижным, вдруг превратился в тысячу призрачных теней, словно бутоны зимней сливы, распускающиеся один за другим.

Перед глазами Хай Цюншаня всё поплыло, словно он оказался в центре снежной бури, окружённый со всех сторон ледяными клинками, от которых не было спасения.

«Не... невозможно... он же ничтожество...» — в ужасе подумал Хай Цюншань. Его атака была полностью поглощена этим вихрем, и даже его боевой дух был заморожен.

Те Хэнцю по-прежнему молчал. Он лишь слегка качнул мечом, и тысяча теней слились в один ослепительный луч, устремившийся прямо в горло Хай Цюншаня.

Зрачки Хай Цюншаня сузились, его охватило отчаяние.

Он никогда не думал, что проиграет Те Хэнцю, тем более так сокрушительно.

Однако в последний момент Те Хэнцю резко остановил меч. Холодный свет исчез, и острие замерло в дюйме от горла Хай Цюншаня.

— Почему... почему ты меня не убил? — хрипло спросил Хай Цюншань, его взгляд был полон смешанных чувств.

Те Хэнцю улыбнулся:

— Такое ничтожество, как ты, не достойно умереть от моего меча!

Зрачки Хай Цюншаня сузились. Это... это были те самые слова, которые он сказал Те Хэнцю в тайном царстве!

И вот теперь Те Хэнцю вернул их ему!

Хай Цюншаня захлестнула буря эмоций: шок, изумление, но сильнее всего — унижение.

Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но не нашёл слов.

К тому же, сейчас ему стоило беспокоиться о другом.

Те Хэнцю не убил его мечом не из милосердия.

Напротив, он был мстителен.

И действительно, вернув ему его же оскорбление, Те Хэнцю, как и он когда-то, поднял ногу и ударил его прямо в грудь.

Хай Цюншань не успел среагировать. Он почувствовал острую боль и, словно сломанная кукла, отлетел назад, тяжело рухнув на землю ихаркнув кровью.

Он лежал на земле, его грудь разрывалась от боли, дышать было трудно.

Но его взгляд был прикован к Те Хэнцю, в нём читался шок и какое-то странное понимание.

Словно предчувствуя что-то, он хрипло спросил:

— Ты... ты собираешься сбросить меня со скалы?

Он унизил Те Хэнцю, и тот унизил его.

Он сбросил Те Хэнцю со скалы, и тот, естественно, собирался отплатить ему той же монетой.

Хай Цюншань с трудом приподнялся и посмотрел вниз. Под утёсом клубился туман, поглощая камни, срывавшиеся с края. Жуткое зрелище.

Впервые в жизни гордый Хай Цюншань познал, что такое страх.

Этот страх был сильнее унижения и гнева.

Он, опираясь на локти, в панике посмотрел на Те Хэнцю:

— Ты... ты не можешь меня убить!

Те Хэнцю усмехнулся и, присев на корточки, опёрся на свой меч:

— Почему это?

Хай Цюншань всегда ненавидел эту улыбку, но сейчас ему было не до гордости.

В его голосе звучал лишь страх:

— Если я здесь исчезну без следа, школа и мой клан начнут расследование...

— Пожалуй, ты прав, — улыбнулся Те Хэнцю.

Хай Цюншань замер, не веря, что тот так легко согласился.

Он подавил сомнения и, собрав остатки самообладания, произнёс:

— Мы с тобой в расчёте. Ты мне отомстил. Давай на этом закончим. Я никому ничего не скажу...

— Какой вы великодушный, старший брат, — Те Хэнцю выпрямился и посмотрел на него сверху вниз. — В таком случае и я не буду настаивать. В конце концов, убийство — это не то, на что способен такой скромный и робкий младший брат, как я!

Хай Цюншань насторожился. Те Хэнцю слишком быстро изменил своё решение, и это его беспокоило.

Но у него не было выбора, кроме как подыграть. Он вытер кровь с губ и выдавил из себя улыбку:

— Если мы можем забыть обиды, это будет лучше всего.

— Вот, — Те Хэнцю достал из своего мешочка пилюлю. — Кровоостанавливающая.

Грудь Хай Цюншаня разрывалась от боли, и ему действительно нужна была пилюля, но он, глядя на неё, не решался взять.

Те Хэнцю усмехнулся:

— Боишься, что я тебя отравлю?

Хай Цюншань поджал губы, ничего не ответив, но его взгляд говорил сам за себя.

— Убить тебя? Это можно сделать и бесплатно, зачем мне тратить на это пилюлю? — рассмеялся Те Хэнцю. — Яд слишком дорог, а я слишком скуп.

Хай Цюншаня от этих слов пронзила новая волна боли, но он понял, что в словах Те Хэнцю есть логика, и потянулся за пилюлей.

Но не успел он до неё дотронуться, как Те Хэнцю подбросил её в воздух. Пилюля описала дугу и упала на землю.

Те Хэнцю поднял ногу и безжалостно раздавил её.

Хай Цюншань застыл, словно поражённый молнией, его зрачки сузились.

Эта сцена показалась ему до боли знакомой. В его памяти всплыла картина: вот он, стоя над Те Хэнцю, ногой давит единственную пилюлю, что была у того в руках.

Воспоминания нахлынули, и лицо Хай Цюншаня стало мертвенно-бледным.

Он наконец понял, что сегодняшние действия Те Хэнцю — не спонтанный порыв, а хорошо спланированная месть.

Эта пилюля — лишь зеркальное отражение его собственного поступка.

Хай Цюншань открыл рот, но не смог издать ни звука.

— Похоже, у старшего брата хорошая память, — усмехнулся Те Хэнцю. — Значит, ты должен знать, что нужно сделать, чтобы заслужить прощение.

Сердце Хай Цюншаня забилося как бешеное.

— Нет...

Его взгляд был прикован к раздавленным остаткам пилюли, а в голове проносилась сцена из прошлого: Те Хэнцю на коленях, отчаянно собирает крошки и запихивает их в рот, жалкий и униженный.

А он, Хай Цюншань, стоит рядом и с усмешкой бросает: «Прямо как собака».

Холодный пот выступил на лбу Хай Цюншаня.

Он, конечно, понял, чего от него хочет Те Хэнцю — отплатить за прошлое унижение тем же.

Он с трудом покачал головой, его голос был слабым и хриплым:

— Нет... Те Хэнцю, ты не можешь...

— Не могу? — холодно усмехнулся Те Хэнцю, в его глазах не было ни капли жалости. — Старший брат, когда ты так поступал со мной, ты думал о том, что «не можешь»? А теперь, когда пришёл твой черёд, тебе это кажется неприемлемым?

Хай Цюншань задрожал, его руки сжались в кулаки так сильно, что ногти впились в ладони.

Он знал, что пути назад нет, но не мог смириться с таким унижением.

Он поднял голову, в его глазах была мольба:

— Те Хэнцю, я... я дам тебе всё, что захочешь: сокровища школы, тайные техники, даже... даже целую жилу духовных камней. Только, прошу... не надо...

— Старший брат, ты ведь не думаешь, что можешь со мной торговаться? — Те Хэнцю провёл носком ботинка по земле, словно стирая грязь. — У тебя есть только два выбора: либо, как собака, слижешь с земли эту пилюлю, либо я лично отправлю тебя в последний путь.

Хай Цюншань побледнел, словно его окунули в ледяную воду.

Он знал, что Те Хэнцю не шутит, и выбора у него нет. Он медленно опустил голову, его взгляд упал на золотистые крошки на земле, а сердце наполнилось унижением и отчаянием.

Глядя на его мучения, Те Хэнцю почувствовал укол зависти. «И всё-таки я завидую этим баловням судьбы. Даже на пороге смерти они колеблются из-за какой-то гордости. Будь я на его месте, я бы уже облизал подошвы его ботинок».

Лунный свет застыл на грязной земле инеем. Пальцы Хай Цюншаня, никогда не знавшие грязи, впились в землю. Он собрал грязные крошки и поднёс их ко рту, который пробовал лишь изысканные яства.

Его язык коснулся остатков пилюли, и его чуть не стошнило. От отвращения, унижения, страха или чего-то ещё его зубы застучали.

Горло Хай Цюншаня сжалось. Горечь и вкус земли надолго остались во рту, снова вызывая рвотные позывы.

Но он заставил себя проглотить.

Когда он снова поднял глаза, на его губах осталась грязь.

Его плечи, только что напряжённые, как тетива лука, обмякли, словно из него вынули позвоночник, а вместе с ним и всю его врождённую гордость, растоптав её в грязи.

— Теперь... ты доволен? — безжизненным голосом спросил Хай Цюншань.

Те Хэнцю рассмеялся:

— Ты съел мою драгоценную пилюлю, а смотришь так, будто это я тебе должен. Ох, уж эти благородные господа.

Хай Цюншань криво усмехнулся:

— А разве ты сделал это не для того, чтобы унижить меня?

Услышав это, Те Хэнцю перестал смеяться. Он наклонился и посмотрел прямо в глаза Хай Цюншаню:

— Тратить пилюлю на то, чтобы кого-то унижить, — на такое способны только вы, богачи.

Хай Цюншань опешил. Он вспомнил, как Те Хэнцю экономил даже на самых дешёвых пилюлях, и понял, что в его словах есть смысл.

— Тогда... чего ты хочешь? — с недоумением спросил он.

— Слышал об «Искусстве прививки сливы»? — неожиданно спросил Те Хэнцю.

Хай Цюншань не ожидал такого вопроса.

— Ты о секретной технике Клана Сливового Пестика? Той, что, по слухам, высечена на Нефритовой подвеске упавшей луны и позволяет быстро увеличить свою силу?

Те Хэнцю улыбнулся:

— Высечена ли она на подвеске, я не знаю.

В конце концов, подвеску украл тот таинственный человек.

Но у самого Те Хэнцю уже давно был полный свиток с этой техникой.

Хай Цюншань мрачно посмотрел на него.

— Но раз вы так жаждете овладеть этим искусством, неужели вы никогда не задумывались над его названием? — спросил Те Хэнцю.

— «Прививка сливы»... что это значит... — с сомнением пробормотал Хай Цюншань.

— Так вы, господа, оторванные от жизни, никогда не слышали о таких сельскохозяйственных работах, как черенкование и прививка? — спросил Те Хэнцю.

— Черенкование, прививка... — прошептал Хай Цюншань.

Он, конечно, не занимался крестьянским трудом, но, увлекавшись садоводством ради приличия, кое-что об этом знал.

— Ещё в древних трактатах говорилось, что привитые растения плодоносят быстрее, — усмехнулся Те Хэнцю. — Не находишь сходства с тем, что «Искусство прививки сливы» позволяет быстро достичь мастерства?

Глядя в глаза Те Хэнцю, Хай Цюншань вдруг всё понял:

— Я помню, что ты изначально был учеником-чернорабочим. Это значит, что при поступлении в школу твои кости и меридианы были признаны обычными. Как же ты смог овладеть таким искусством меча?

— И впрямь, как же? — с улыбкой спросил Те Хэнцю.

В голове Хай Цюншаня родилась ужасная догадка:

— Черенкование, прививка... «Искусство прививки сливы» — это не техника совершенствования, а... техника поглощения!

Во взгляде Те Хэнцю промелькнула насмешка, словно он наслаждался тем, как Хай Цюншань приближается к истине.

Он слегка кивнул и усмехнулся:

— Наконец-то до тебя дошло.

Горло Хай Цюншаня сжалось, его охватил ужас. Он инстинктивно попытался отползти, но его позвоночник пронзила острая боль, словно что-то пустило в нём корни, лишая его возможности двигаться.

— Теперь ты понимаешь, почему я был так щедр и дал тебе целебную пилюлю? — острие меча Те Хэнцю вонзилось в позвонок Хай Цюншаня. — Только здоровые ветви годятся для прививки.

Хай Цюншань почувствовал разрывающую боль в позвоночнике, словно что-то насильно вырывали из его тела.

Лишившись кости меча, он безвольно рухнул на землю.

Те Хэнцю проверил его пульс и убедился, что тот мёртв.

Но, начитавшись романов, он знал, что контрольный удар никогда не бывает лишним.

Он без колебаний взмахнул мечом и нанёс несколько ударов по телу Хай Цюншаня, разрывая его меридианы и дробя внутреннее ядро, чтобы тот наверняка не смог ожить.

После такой расправы тело было изуродовано до неузнаваемости. Если его найдут, то наверняка проведут тщательное расследование, что было бы не в интересах Те Хэнцю.

Поразмыслив, он пнул останки Хай Цюншаня со скалы.

Тело упало в пропасть и исчезло в тумане.

Теперь смерть Хай Цюншаня будет выглядеть как таинственное исчезновение, и никто не узнает правды.

Тело Хай Цюншаня падало вниз, но на кончиках его пальцев вдруг вспыхнул золотой узор.

За мгновение до столкновения с землёй он резко открыл глаза и раздавил Золотой талисман для защиты тела, спрятанный под ногтем.

Яркий золотой свет окутал его, создав невидимый барьер, который замедлил падение.

— Бам! — его тело тяжело ударилось о землю, подняв облако пыли, но он не разбился насмерть.

Хай Цюншань, преодолевая боль, перекатился несколько раз и остался лежать на земле, как груда тряпья.

Он харкнул кровью. Его лицо было бледным, как бумага, но взгляд — холодным, как сталь.

— К счастью... Те Хэнцю хоть и жесток, но он из низов и не знает о всех хитростях, на которые способны отпрыски благородных семей.

Сначала он использовал Технику черепашьего дыхания, чтобы притвориться мёртвым, но не ожидал, что Те Хэнцю будет таким безжалостным и нанесёт контрольные удары.

Теперь его меридианы были разорваны, а кость меча — извлечена. Он был калекой, но, к счастью, у него были при себе могущественные защитные артефакты.

Такие вещи Те Хэнцю, выходец из низов, не то что не видел, но даже и не слышал о них.

Поэтому, несмотря на все его хитрости, он не смог предусмотреть этого.

Хай Цюншань холодно усмехнулся, его взгляд, казалось, пронзал туман и был устремлён на фигуру Те Хэнцю наверху.

— Ты всё равно проиграл, Те Хэнцю, — прошептал он. — Ты проиграл из-за своего происхождения, из-за своей ограниченности. Ты проиграл с самого рождения!

Он стиснул зубы.

— Те Хэнцю... такая грязь, как ты, рождена, чтобы её топтали. Я заставлю тебя осознать это.

К сожалению, он не мог даже пошевелиться. Он нащупал нефритовую табличку для передачи сообщений, чтобы позвать на помощь.

Но в тот миг, когда его пальцы коснулись таблички, холодный свет, словно молния, пронзил его лоб.

Он неверяще расширил глаза, думая, что это был меч.

Но, опустив взгляд, он увидел лишь окровавленный лист дерева.

«Как... возможно...» — из последних сил Хай Цюншань обернулся и увидел лишь край белых одежд, после чего рухнул замертво.

Среди теней от деревьев последнее, что отразилось в его угасающих зрачках, был край белой одежды, развевающейся на ветру, холодной и безжалостной, как лунный свет.

Юэ Бочжи стоял на серой скале, его белые рукава ниспадали, словно облака. В его пальцах было Семя лотоса ледяной души.

На его плече Алая птица расправила свои огненные крылья. Её золотой клюв слегка приоткрылся, она смотрела на семя в его руке.

Голодная птица молниеносно метнулась к семени, но замерла на полпути — большой палец Юэ Бочжи упёрся ей в горло, его ноготь поблёскивал, как нефрит.

Зрачки Алой птицы сузились, она втянула шею и сделала вид, что чистит пёрышки.

Юэ Бочжи усмехнулся и погладил её по огненным перьям.

— Хочешь есть — чисти сама.

Алая птица прочирикала в ответ, словно говоря: «А ты-то сам не чистил».

И действительно, это семя чистил не Юэ Бочжи.

А Те Хэнцю.

Юэ Бочжи повертел семя в руке, и ему показалось, что он всё ещё видит, как грубые, но ловкие пальцы Те Хэнцю держат его, как он надавливает на бороздку, и зелёная скорлупа, словно кожа цикады, сходит, обнажая сердцевину цвета слоновой кости.

Он задумчиво посмотрел на семя, а затем поднёс его к губам. Зубы прокусили оболочку, и во рту разлилась горькая свежесть, словно он раскусил всё лето, проведённое у лотосового пруда.

<http://bllate.org/book/16975/1586485>